

EDN: XORRAS
УДК 394

Use of Local Biological Resources of Chukotka for Food Self-supply of Local Communities

Konstantin B. Klovov*

*Peter the Great Museum of Anthropology
and Ethnography (Kunstkamera) RAS
Saint Petersburg State University
Saint Petersburg, Russian Federation*

Received 15.12.2023, received in revised form 24.12.2023, accepted 21.03.2024

Abstract. The use of local food biological resources (LFBR) is an important source of food, not only for indigenous people, but for all inhabitants of the North. The aim of the research is to quantify the LBFR for one of the typical Arctic regions of Russia. The territory of Chukotka north-east was chosen, where food self-sufficiency of the population has been studied in detail at the qualitative level in recent years. Our methodology included a mass survey, using a short anonymous questionnaire, complemented by informal interviews. Ten villages and towns in three municipal districts were surveyed in 2023 summer. The results showed that the most important of all the LFBRs are (in descending order): venison, fish, berries, mushrooms, marine mammal meat, and game birds, which were rated highest by the majority of the population in almost all settlements. Five of them have approximately equal and high importance for both indigenous and non-indigenous parts of the local population. The marine mammal meat is important mainly for the families of indigenous people. Two old traditions were confirmed to be preserved and highly relevant: the donation of a part of the harvested resources to needy families and the exchange of harvested products between tundra reindeer herders and sea-hunters from coastal settlements. The result of the study show that an adequate system of local biological resources management should be created, since almost all residents are acutely dissatisfied with the existing rules. The North residents highly appreciate the importance of the LFBR, and their interests should not be neglected.

Keywords: Arctic, indigenous population, non-indigenous population, questionnaire survey, food resources, reindeer husbandry, sea mammal hunting, game bird hunting, collection of food plants, food self-sufficiency.

Work supported by the RSF project “Changing Materiality of the Arctic and Siberia: Technologies, Innovations, Infrastructure” (No. 23–18–00637).

Research area: theory and history of culture, art (cultural studies).

© Siberian Federal University. All rights reserved

* Corresponding author E-mail address: k.b.klovov@gmail.com

ORCID: 0000-0002-6149-5778

Citation: Klokov K. B. Use of local biological resources of Chukotka for food self-supply of local communities. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2024, 17(4), 824–836. EDN: XORRAS

Использование местных биологических ресурсов Чукотки для продовольственного самообеспечения местного населения

К.Б. Клоков

Музей антропологии и этнографии

им. Петра Великого РАН (Кунсткамера)

Санкт-Петербургский государственный университет

Российская Федерация, Санкт-Петербург

Аннотация. Использование местных продовольственных биологических ресурсов (МПБР) является важным источником продовольствия и не только для коренных, но для всех жителей Севера. Цель исследования состояла в количественной оценке использования МПБР для одного из типичных регионов российской Арктики – северо-востока Чукотки, где за последние годы продовольственное самообеспечение населения было детально изучено на качественном уровне. Основным методом был выбран массовый анонимный опрос, для которого была разработана короткая анкета. Анкетирование было дополнено неформальными интервью. Летом 2023 г. было обследовано 10 поселков в трех муниципальных районах. Результаты показали, что наибольшее значение из всех МПБР имеют (в порядке убывания): оленина, рыба, ягоды, грибы, мясо морских млекопитающих, пернатая дичь, которые получили наиболее высокие оценки у большей части населения почти во всех населенных пунктах. Пять из них имеют примерно равную и высокую значимость и для коренной, и для некоренной части местного населения. Продукция морского зверобойного промысла значима в основном для семей коренных жителей. Подтверждена сохранность и высокая актуальность двух старых традиций: безвозмездной передачи части добытых ресурсов нуждающимся семьям и обмена добытой продукцией между сообществами тундровых оленеводов и морских зверобоев из береговых поселков. Результаты исследования показывают актуальность создания адекватной условиям Крайнего Севера системы управления местными биологическими ресурсами и их использованием, поскольку практически все жители остро недовольны существующими правилами. Северяне высоко оценивают значимость МПБР, а значит, не надо пренебрегать их интересами в сфере регулирования природопользования.

Ключевые слова: Арктика, коренное население, некоренное население, анкетный опрос, пищевые ресурсы, оленеводство, морской зверобойный промысел, охота на птиц, сбор пищевых растений, продовольственное самообеспечение.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, проект № 23–18–00637 «Меняющаяся материальность Арктики и Сибири: технологии, инновации, инфраструктура».

Научная специальность: 5.10.1 – теория и история культуры, искусства (культурология).

Цитирование: Клоков К.Б. Использование местных биологических ресурсов Чукотки для продовольственного самообеспечения местного населения. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2024, 17(4), 824–836. EDN: XORRAS

Введение

Использование местных биологических ресурсов в традиционном хозяйстве коренных народов Севера – условие их устойчивого развития. Наряду с этим они являются важным источником продовольствия не только для коренных, но и для всех жителей Севера. Использование «даров природы» связано с формированием сложного комплекса материальных, социальных и ментальных связей, через которые человек укореняется в окружающем его арктическом ландшафте. На зарубежном Севере их изучение часто становится предметом сотрудничества этнологов и экологов (Moller, Berkes, 2004; Arctic..., 2013; Naves, Keating, 2019; Naves, Ruthrauff, 2019 и др.). В свое время в России в рамках Приполярной переписи 1926/27 гг. было проведено уникальное статистическое обследование всего Севера по единой программе и с охватом всех видов местных биоресурсов (Pokhoziaistvennaia perepis..., 1929). В постсоветской России было реализовано несколько международных проектов, включавших количественные оценки использования биоресурсов в модельных регионах Арктики. В их фокусе были вопросы управления и охраны экосистем (например, проекты «ECORA» и «TUNDRA»), а также изучение условий жизни людей в различных регионах Арктики в целом (Andersen, Poppel, 2002; Survey of Living Conditions..., 2019). Для сбора данных использовались формальные интервью по длинным детальным опросникам. Кроме того, в северной Якутии, на Чукотке и на Камчатке был осуществлен цикл обследований по оценке масштабов аборигенной охоты на популяции охотничьих арктических птиц на основе анонимного анкетирования (Syroechkovskiy, Klokov, 2010; Klokov, 2023; Klokov et al, 2023).

Недавно детальные антропологические исследования продовольственного самообеспечения жителей арктических поселков были проведены на восточной Чукотке (Davydova, 2018, 2019a, 2019b; Davydova, Davydov, 2018, 2020; Davydov, Davydova, 2020, 2023 и др.). Было установлено много интересных и важных как с теоретической, так и с практической, прикладной точки зрения особенностей и закономерностей. Однако эти исследования имели качественный характер, и возникает необходимость дополнить их количественными или полуквантитативными подходами.

Цель этой статьи – восполнить образовавшийся информационный пробел, дав количественную оценку роли местных продовольственных биоресурсов (далее МПБР) северо-востока Чукотки. Для исследования мы выбрали районы, где за последние годы продовольственное самообеспечение было наиболее детально изучено на качественном уровне (ссылки на эти работы были приведены выше). В задачи входило, во-первых, сравнить значение различных видов МПБР для коренного и некоренного населения, сельских и городских жителей. Во-вторых, оценить роль различных стратегий использования ресурсов разными группами населения, в частности, выяснить, как много семей добывают их самостоятельно, каковы масштабы перераспределения полученной продукции, в какой степени сохраняется традиция делиться излишками рыбы, мяса, пищевых растений, которые успешные добытчики обычно передают нуждающимся семьям. Основным методом был выбран массовый анонимный опрос, для которого была разработана короткая анкета. Анкетирование было дополнено неформальными интервью.

Одновременно с этим производился сбор материалов для другой исследователь-

ской задачи – получить оценку воздействия местного населения на водоплавающих птиц (уток и гусей), что необходимо для выработки стратегии устойчивого использования ресурсного потенциала кормящего ландшафта. Для этого была разработана еще одна анкета. Ответы на нее в этой статье детально не анализируются, но использованы при обсуждении значения МБПР для местного населения.

Методика исследования и полученные материалы

Исследование было проведено в июле-августе 2023 года в поселках¹ Чукотского, Провиденского и Иульгинского² районов Чукотского автономного округа (ЧАО). В проведении анкетирования участвовали В.Н. Давыдов, К.Б. Клоков, А.Г. Крайников, Л.А. Лазутина, О.М. Шульгина. Единицей обследования, к которой относились основные вопросы анкет, была взята семья (домохозяйство). Кроме того, каждый респондент, со слов которого заполнялась анкета, указывал свой пол, возраст и этническую принадлежность.

При проведении опроса была использована близкая к случайной двухступенчатая выборка. В пределах исследуемой территории были отобраны 10 поселков. В крупных поселках, с населением более 1000 человек, опрашивались по 100 семей. Дома выбирались случайным образом по схемам поселков, полученным из Интернета. В небольших поселках производился сплошной обход домов и квартир по вечерам и в выходные дни. Охват при этом составил примерно 60 % семей, так как значительное число жителей отсутствовало: выехали в отпуск «на материк» или в другие поселки, находились на кочевых стойбищах и промысловых точках, ловили рыбу, собирали грибы и ягоды в тундре или на побережье.

¹ Термины «поселок» и «населенный пункт» используются в статье как синонимы.

² В 2016 г. Иульгинский муниципальный район стал официально называться «муниципальное образование городской округ Эгвекинот». В статье используется старое название как более привычное и краткое.

Анкета на листе А4 содержала таблицу, в строках которой были указаны девять видов МПБР: местная рыба, мясо морских зверей, другие морепродукты, оленина (домашняя или дикая), пернатая дичь, мясо других диких животных, грибы, ягоды, другие дикие растения. В столбцах левой части таблицы для каждого вида ресурса предлагалось выбрать один из вариантов субъективной оценки его значимости: основная пища, важная, дополнительная, не имеет значения, вообще не употребляется в пищу. При обработке анкет каждой из этих градаций был присвоен условный балл. Сумма баллов была использована в качестве итоговой оценки значимости (популярности) данного биоресурса.

Затем выявлялись стратегии, которые семья использует, чтобы обеспечить себя ресурсами. Они соответствовали четырем стратегиям обеспечения местными продуктами, предложенным для восточной Чукотки Е.А. Давыдовой (Davydova, 2018: 120). В столбцах правой части таблицы были перечислены варианты ответа на вопрос, где семья приобретает местные продукты: в магазинах, у местных производителей, у родственников и знакомых, или же семья добывает или собирает их самостоятельно. Предлагалось указать один или несколько вариантов.

Вторую анкету предлагали только тем семьям, которые указали, что сами добывают пернатую дичь. Она содержала вопросы о том, сколько птиц и каких видов было добыто и сколько яиц собрано из гнезд.

Распределение анкет, полученных от 594 семей, и результаты их анализа представлены в таблицах (табл. 1–4). К сожалению, корректно сопоставить структуру выборки (табл. 1) со структурой населения на всей охваченной исследованием территории оказалось невозможно, так как текущий учет населения ведется теперь на уровне муниципальных образований, а не по каждому населенному пункту. Доля коренных малочисленных народов Севера (КМНС) в поселках, для которых местные администрации смогли предоставить такие сведения, составила 82,5 %. В нашей

Таблица 1. Структура выборки (распределение заполненных анкет)
Table 1. Sample structure (distribution of completed questionnaires)

	Поселки городского типа	Села Чукотского района	Села Иультинского района	Всего
Всего анкет	243	190	161	594
в т. ч. заполненных представителями:				
КМНС	106	150	125	381
некоренного населения	137	40	36	213
мужчинами	116	75	81	272
женщинами	127	115	80	322
Возраст респондентов:				
минимальный	17	19	17	17
медианный	44	44	44	44
максимальный	87	82	81	87

выборке по этим же поселкам доля семей, полностью состоящих из коренного населения, равнялась 78,8 %. Соотношение между мужчинами и женщинами в нашей выборке было 46 к 54 %, а в целом по округу составляет 50,1 к 49,9 %. Таким образом, структура выборки достаточно близка к структуре населения. В распределении населения прослеживается четкая закономерность: в селах всюду преобладают коренные, а в поселках городского типа – некоренные жители.

Результаты анкетного опроса и их обсуждение

Анкетирование показало, что из девяти видов МПБР наибольшее значение как для коренного, так и для некоренного населения имеют шесть: оленина³, рыба, ягоды, грибы, мясо морских млекопитающих (китов и ластоногих) и пернатая дичь. Эти виды МПБР рассматривались как основные, они получили наиболее высокие оценки у большей части населения почти во всех населенных пунктах (прил. 1). Из них только мясо морских млекопитающих оказалось важ-

ным в основном для семей коренных жителей, среди некоренного населения оно мало популярно.

Остальные три вида ресурсов – мясо других диких животных (кроме пернатой дичи), морепродукты (кроме рыбы и мяса морского зверя) и дикие пищевые растения (кроме грибов и ягод) менее важны. Они популярны в основном только у коренного населения и не во всех населенных пунктах. Ниже мы рассмотрим особенности использования шести основных ресурсов.

Оленина

Обследованная территория включала Иультинский район, где, по данным Управления сельского хозяйства ЧАО, сосредоточено 32 % (около 40 тыс. голов) всего поголовья домашних оленей округа, а также Чукотский и Провиденский районы, в которых оленеводство развито слабо: соответственно 6 и 2 % от окружного поголовья. Диких северных оленей на этой территории мало. Однако, вопреки ожиданиям, оленина по сумме оценочных баллов получила очень высокие оценки не только в Иультинском районе, но и на всей изученной территории, причем не только у коренного, но также и у некоренного населения. Лишь у коренных жителей Чукотского района она немного уступила по своей популярности

³ К оленине мы здесь относим мясо как домашних, так и диких северных оленей. Мы намеренно не разделяли их в анкете, так как в местных условиях покупатель оленины часто не знает, мясо какого оленя – домашнего или дикого, он приобрел.

мясу морского зверя (табл. 2, 3). В целом ее отметили как основной или важный источник пищи 83 % респондентов.

Какие же стратегии обеспечили эти высокие оценки? Последние годы (2019–2021 гг.) в Иультинском районе забивалось

Таблица 2. Оценка значения местных биоресурсов семьями коренного (1) и некоренного (2) населения по типам поселков и районам, средний суммарный балл

Table 2. Assessment of the importance of local bioresources by Indigenous (1) and non-indigenous (2) families by settlement type and district, average composite score

Виды местных ресурсов	Поселки городского типа		Села Чукотского района		Села Иультинского района	
	1	2	1	2	1	2
Оленина	2,67	2,49	2,17	1,24	2,68	2,67
Рыба (местная)	2,22	1,90	1,65	0,88	1,97	0,67
Ягоды	1,41	1,42	1,77	1,00	1,55	1,61
Грибы	1,34	1,34	1,79	0,95	1,52	1,61
Мясо морзверя	1,41	0,24	2,21	0,62	1,19	0,42
Пернатая дичь	1,11	0,64	1,49	0,38	1,09	0,86

Таблица 3. Оценка значения местных биоресурсов в различных населенных пунктах, средний суммарный балл

Table 3. Assessment of the importance of local bioresources in different settlements, average composite score

Населенные пункты	Оленина	Рыба	Ягоды	Грибы	Мясо морзверя	Пернатая дичь	Море-продукты
Провидения	2,78	2,36	1,15	1,01	0,93	0,92	0,77
Эгвекиног	2,42	1,75	1,56	1,54	0,45	0,78	0,42
Озерный	2,35	1,88	1,79	1,79	1,06	0,79	0,47
Сумма по поселкам городского типа	2,57	2,04	1,41	1,34	0,75	0,84	0,58
Инчоун	1,83	2,26	2,20	2,09	2,77	2,34	2,29
Уэлен	2,25	2,02	1,74	1,83	2,57	1,79	1,94
Лаврентия	2,49	1,78	2,12	2,06	1,90	1,29	1,31
Лорино	2,57	1,71	2,12	2,10	2,43	1,55	1,76
Сумма по селам Чукотского района	2,32	1,92	2,03	2,01	2,39	1,69	1,79
Амгуема	2,80	1,93	1,77	1,69	0,69	0,65	0,28
Конергино	2,85	1,13	1,33	1,39	1,00	1,22	0,59
Уэлькаль	2,15	1,82	1,41	1,38	1,82	1,71	1,18
Сумма по селам Иультинского района	2,68	1,68	1,57	1,54	1,02	1,04	0,56
Сумма по всем селам	2,48	1,81	1,81	1,79	1,76	1,39	1,23
Итого	2,52	1,90	1,65	1,61	1,35	1,17	0,96

около 4 тыс. оленей в год, т.е. примерно по одному оленю на каждого жителя. Считая убойный вес оленя в среднем 40–50 кг, это не более 1 кг оленьего мяса на человека в неделю. Однако основная часть товарной оленины вывозится в Анадырь и не попадает на стол местным жителям через торговую сеть. Поэтому важны также и другие стратегии – самообеспечение и неформальные сети распределения.

Уже установлено, что популярность домашней оленины у разных слоев местного населения существенно зависит от способа забоя оленей (Davydova, Davydov, 2020: 71). При забое на сертифицированных забойных пунктах (на изучаемой территории такой пункт расположен в с. Амгуэма) в соответствии с имеющимися стандартами получается обескровленное мясо. Технология его получения состоит в том, что животное сначала оглушается специальным пистолетом. Затем из живого животного спускается кровь, пока оно не погибнет из-за потери крови. Такое мясо реализуется через торговую сеть крупных торговых компаний. По данным интервью с работниками забойного пункта, мясо забитых оленей распиливается на полутуши, грузится в контейнеры и морем отправляется в г. Анадырь в количестве около 2 тыс. ц в год.

Коренные жители, особенно старшего поколения, избегают употреблять такое мясо в пищу, рассматривая его как «русскую» пищу. Традиционной едой для них остается оленина местного забоя, при котором животное убивают сразу – чаще всего ударом ножа в сердце, и мясо остается пропитанным кровью. Этот способ они рассматривают не просто как забой, но одновременно и как жертвоприношение (Davydova, Davydov, 2021; Rakhmanova, Davydova, Davydov, 2022). Такое же мясо получается и при традиционной разделке дикого оленя, добытого на охоте. Оно не соответствует стандартам и поэтому не реализуется через торговую сеть. Вместе с тем руководство оленеводческих предприятий, которое по большей части состоит из людей, происходящих из оленеводческих семей, понимает заинтересованность коренных жителей в традиционной пище, поэтому в хозяйствах проводится также и местный «тундровой» забой (Davydov, Davydova, 2023: 23; Полевые материалы автора, 2023).

Анкетирование показало (табл. 4), что в настоящее время основным источником оленины стала торговая сеть и официальная реализация через оленеводческие предприятия (69,0 %). Кроме этого, 18,2 % семей, включая даже и некоренное на-

Таблица 4. Стратегии обеспечения семей местными биоресурсами: распределение ответов об источниках получения местных продуктов, %

Table 4. Strategies of providing families with local bioresources: distribution of answers about the sources of local products, %

Виды местных продуктов	Все население			Коренное население			Некоренное население		
	1	2	3	1	2	3	1	2	3
Оленина	69,0	18,2	12,9	67,3	17,5	15,1	72,2	19,4	8,4
Рыба (местная)	20,7	24,2	55,1	14,7	19,5	65,7	31,5	32,8	35,7
Ягоды	2,0	6,8	91,2	0,5	4,0	95,5	4,9	12,4	82,7
Грибы	1,3	6,9	91,8	0,5	4,6	94,9	2,8	11,7	85,5
Мясо морзверя	28,7	43,0	28,3	26,4	40,4	33,2	40,3	55,8	3,9
Пернатая дичь	3,0	46,6	50,4	2,6	43,6	53,9	4,3	55,6	40,2

Варианты ответов: 1 – покупаем в магазине или у местных производителей;

2 – получаем или приобретаем у родственников, друзей и знакомых; 3 – добываем сами

Response options: 1 – we buy in a shop or from local producers;

2 – we obtain or buy from relatives, friends and acquaintances; 3 – we get them ourselves

селение, получают оленину через неформальные каналы от родственников и знакомых, работающих в тундре. Еще 15,1 % семей коренных жителей указали, что получают ее самостоятельно. Это, очевидным образом, могут быть семьи работников оленеводческих хозяйств, в том числе владеющие своими личными оленями (которых на Чукотке очень немного), а также охотники на северных оленей. Однако доля таких ответов (8,4 %) значительна и в семьях некоренных жителей, среди которых на Чукотке практически нет оленеводов. Ситуацию можно прокомментировать на основе неформальных интервью. Они свидетельствуют, что местные охотники нередко добывают не только диких, но и домашних оленей, которые отбились от стада и уже не находятся под охраной пастухов. По данным интервью с работниками оленеводческих предприятий, производительные потери в стадах значительно – нередко в 2–3 раза – превышают число оленей, реализуемых на убой.

Местная рыба

Второе место по своему значению из МПБР устойчиво занимает рыба (прил. 1; табл. 2, 3). Две трети респондентов из коренного населения и 35,7 % из некоренного отметили, что добывают рыбу сами, главным образом сетями. Широко распространено неформальное перераспределение улова: от родственников и знакомых рыбу получает 32,8 % семей некоренных жителей и 19,5 % коренных (табл. 4).

Обращает на себя внимание очень низкая – как по сравнению с олениной, так и по сравнению с мясом морского зверя – доля семей, которые покупают рыбу у организаций. Казалось бы, в условиях Чукотки нет объективных препятствий, чтобы организовать лов рыбы для снабжения местного населения предприятиями малого бизнеса через торговую сеть. В первую очередь рыбу могли бы поставлять общины КМНС, число которых в округе в последние годы быстро растет (Kolomiets, 2019). Однако существующие правила рыболовства создают для этого труднопреодолимые пре-

пятствия, особенно после 2016 г. – когда общинам стали разрешать рыбачить только на оформленных промысловых участках. Правила оформления оказались настолько сложны, что многие коренные жители предпочитают подавать заявки на вылов рыбы как физические лица. Однако и в этом случае чукотским рыбакам приходится преодолевать немалые бюрократические сложности. Существующий порядок использования рыбных, а также и охотничьих ресурсов постоянно вызывает возмущение как у коренного, так и у некоренного населения всей Чукотки. Его можно проиллюстрировать короткой цитатой, взятой из интервью с одной из местных жительниц: «Была на собрании по правилам рыболовства. Опоздала на час – у дверей услышала сплошные матюги» (Полевые материалы автора, 2022).

Приведем несколько примеров сопротивления местного населения необоснованным формальным ограничениям использования местных продовольственных ресурсов. Один записанный в ходе интервью (Полевые материалы автора, 2022) случай имел место несколько лет назад в одном из поселков Чукотки (название не указывается из соображений конфиденциальности). Респондент рассказал, что в его обязанности тогда входила продажа разрешений на вылов лососевых рыб. Когда в поселок приехали инспекторы рыбоохраны, он спросил, сколько и на какую сумму у них запланировано получить протоколов о нарушении правил рыболовства в этом поселке. После некоторого замешательства ответ был получен. Респондент собрал у местных рыбаков (около 10 человек) паспорта для оформления квитанций на штрафы, приложив также и свой паспорт, и необходимую сумму денег. Он также предупредил жителей поселка о необходимости временно снять сети. Инспекторы пробыли в поселке два дня, но не смогли выявить ни одного нарушения.

В другом поселке, несколько лет назад, было собрание жителей, где их информировали о новых правилах оформления разрешений на добычу лососевых рыб.

Человек, уполномоченный авиакомпанией оформлять билеты на рейсовые вертолеты, заверил присутствующих, что всегда будет иметь возможность сообщить жителям о том, что в поселок летят инспекторы. На собрании присутствовал один из руководителей правительства округа. На вопрос местных жителей, что важнее – ловить рыбу или соблюдать бюрократические формальности, он ответил, что ловить рыбу все-таки важнее. Это не единичный случай на Чукотке. Чрезмерная формализация системы управления биоресурсами, игнорирующая интересы местных жителей, привела к тому, что рыболовство и охота в значительной степени перешли в сферу теневой экономики. Это подтверждается как результатами нашего анкетирования, так и наблюдениями этнологов. Как сообщает Е. А. Давыдова (Davydova, 2018: 117), для неформального распределения промысловой продукции здесь широко используются закрытые группы в «Ватсапе», в которых достаточно сложно попасть посторонним. Эта возможность позволяет местным сообществам сохранять пищевую автономию, несмотря на бюрократические препятствия.

Отметим, что вопросы несовершенства существующего порядка распределения квот на вылов рыбы в районах проживания КМНС и несоответствия правил рыболовства на Севере местным условиям в целом уже много лет обсуждаются в региональных СМИ и отражены в работах ряда этнологов (Martynova, 2017; Gavrilova, 2019; Klokov, 2020).

Мясо морских млекопитающих

По сравнению с рыбой и олениной продукция морского зверобойного промысла в большей степени воспринимается людьми как специфически «чукотская» пища, (Davydova, 2018: 118). Анкетный опрос показал (табл. 3), что мясо китов, моржей, нерпы и лахтака имеет наибольшее значение для коренных жителей сел Чукотского и Провиденского районов, а также села Уэлькаль Иультинского района. В Амгуэме оно имеет меньшее значение, так как село

расположено далеко от моря, и его жители получают мясо и жир из приморских поселков, прежде всего из Ванкарема. В поселках городского типа продукция из морского зверя значима только для коренного населения.

Большое значение имеет традиция обмена продукцией между оленеводами и морскими зверобоями, которая известна давно и активно поддерживается до настоящего времени (Bogoraz, 1934: 79–90; Vate, 2005: 48–52; Yartzutkina, 2017: 57–69; Davydova, 2018: 113–121; Davydova, Davydov, 2018: 27–34). Полученные материалы дают возможность количественно оценить ее масштабы.

По данным анкетирования, самостоятельно добычей морского зверя занимается 33,2 % семей коренного и 3,9 % некоренного населения (табл. 4), а основной его источник (соответственно 40,4 и 55,8 %) – неформальные сети обмена продукцией, т.е. родственники и знакомые. Это подтверждается и данными интервью. Жители Конергино рассказывали, что моржатины и другие продукты морской охоты им привозят из Уэлькаля – села, расположенного на противоположном берегу Залива Креста (в прошлом оба села входили в один совхоз): «Наши теперь на морзверя не охотятся, но уэлькальцы привозят его нам, если мы их попросим» (Полевые материалы автора, 2023). Оленеводов из Амгуэмы снабжают мясом и нерпичьим жиром из Ванкарема. Каждая семья амгуэмских оленеводов возит с собой бутылки (1,5-литровые полиэтиленовые емкости) с нерпичьим жиром. Связи между этими поселками тесные, так как в Амгуэме находится интернат, где живут дети из Ванкарема.

Морской зверобойный промысел на Чукотке активно поддерживается правительством округа. Поддержка осуществляется через 9 занятых таким промыслом территориально-соседских общин (ТСО), в которых работают около 300 человек (Kolomiets, 2019). Наиболее крупные общины – «Лорино» и «Дауркин», в селах Лорино и Лаврентия Чукотского района. Есть общины морзверобоев и в поселках

Провиденского района: «Янракыно́т», «Чаплино» (в с. Новое Чаплино), «Сиреники», «Унэнэн» (в с. Нунлигране). Морские охотники всех поселков Иульгинского района объединены в одну ТСО «Анкалы́т», офис которой находится в Эгвекиноте. Одна из бригад этой общины (из шести человек) находится в Уэлькале. Есть инициативные предложения организовать бригаду также и в Эгвекиноте.

Основной целью ТСО является не получение прибыли, а обеспечение местного населения продукцией морского промысла. Ежегодно они добывают для этого более 600 т мяса китов и ластоногих, что составляет примерно 40 кг в год на одного коренного жителя ЧАО (Kolomiets, 2019). Кроме собственных средств общины получают значительные субсидии через государственные программы развития агропромышленного комплекса ЧАО, а также за счет грантов и других источников. Это дает им возможность выплачивать своим работникам стабильную заработную плату, приобретать лодки, холодильное оборудование и снаряжение для морской охоты, независимо от рыночной конъюнктуры (Kolomiets, 2019). В открытую продажу мясо и жир морских млекопитающих не поступают.

Другие морепродукты по своему значению значительно уступают продукции морзверобойного промысла. Они представлены в основном водорослями и морскими беспозвоночными, которые местные жители собирают на берегу моря после штормов. Собирают их в основном в тех же поселках, где добывают морского зверя (табл. 3).

Пернатая дичь

Несколько менее важным, по сравнению с предыдущими, но весьма существенным пищевым ресурсом на Чукотке остается охота на пернатую дичь. По итоговой балльной оценке добытая на охоте дичь занимает шестое место (прил. 1), однако ее роль в питании жителей разных населенных пунктов существенно различается (табл. 3). Больше всего она в селах Чукотского района и в Уэлькале. Полученные балльные

оценки соответствуют степени участия жителей в охоте на птиц. Так, в Инчоуне и Уэлькале число семей с охотниками превышало 60 %, в Уэлене, Провидения и Конергино их было более 40 %, а в остальных поселках – от 20 до 30 %. Отмечена также диспропорция между коренным и некоренным населением: у первого роль дичи как источника пищи выше.

Полученные в первой анкете субъективные оценки важности охоты на птиц в баллах хорошо коррелируют с результатами второй анкеты, где респонденты указывали число добытых птиц. Для средних значений этих показателей по поселкам коэффициент корреляции составил 0,86. Количество птиц, добытых в среднем на одну семью, в различных поселках варьировало от двух-трех (в Амгуэме и Эгвекиноте) до 19 в Инчоуне и 12 в Уэлене (прил. 2). 80 % птиц было добыто весной. Больше чем 3/4 добычи составили водоплавающие птицы – утки и гуси. Среди уток преобладали морские утки – гаги. Кроме водоплавающих добывается немного куропадок (белой и тундряной) и журавлей (канадский журавль). Географическое распределение интенсивности охоты на птиц, по-видимому, связано главным образом с особенностями их весеннего пролета. Охота наиболее популярна там, где гуси и утки летят близко от поселков и есть удобные места для охоты на них.

Показателем обилия охотничьих птиц в окрестностях поселка может быть среднее число птиц, добытых за год на одного охотника. Поскольку, как показали анкеты, в большинстве семей охотится только один человек, этот показатель можно приблизительно оценить как отношение общего числа добытых респондентами птиц к числу семей с охотниками. Максимальные значения получились для Инчоуна – почти 30 птиц и Уэлена – почти 25 (прил. 2). Как показали анкеты, охота на птиц больше развита на севере обследованной территории, где в добыче преобладают гаги. Исключение составляет расположенный у южной границы Иульгинского района Уэлькаль, но тут добывают больше гусей. По словам

одного из местных охотников, раньше здесь гусей почти не стреляли, а охотились в основном на гаг, добыть которых весной относительно просто. Однако в 1970–1980-х гг. в поселок приехало много русских охотников, которые «научили» местных коренных стрелять гусей, используя фанерные профили-маншки. По сравнению с охотой на гаг, это более сложная, но зато более азартная и увлекательная охота, которая скоро стала здесь популярной. К тому же в 1980-е годы численность гнездящихся гаг в традиционных местах охоты местных жителей по какой-то причине сильно снизилась. Теперь гаг в Уэлькале практически не добывают, зато охота на гусей здесь процветает.

Дикие птицы могут «снабжать» население не только мясом, но и яйцами, сбором которых занимаются коренные жители в некоторых поселках. Отвечая на вопрос о сборе яиц, большая их часть подчеркивали, что они никогда не берут из гнезда все яйца. В среднем на одну опрошенную семью было собрано по 4,2 яйца. Наиболее интенсивно яйца собирают жители Конергино, Лаврентия и Озерного – по 7–8 яиц на семью. Интенсивность сбора яиц зависит в основном от наличия поблизости от поселка крупных птичьих базаров на скалах, на которых гнездятся колонии морских птиц (чаек, чистиковых и др.), а также мест массового гнездования чаек и гусеобразных в тундре вдоль морского побережья или на островах, где также можно собрать много яиц, чаще всего чайчых и утиных. Сбор птичьих яиц был широко распространен в конце 1990-х гг., когда на Чукотке был сильный дефицит продуктов, граничащий с голодом, и купить яйца в магазинах было практически невозможно. В настоящее время он сохраняется как традиция.

Дикорастущие пищевые растения (грибы, ягоды и др.)

Грибы и ягоды собирают почти все семьи, но большинство семей рассматривает их как дополнительный источник пищи. Это очевидным образом связано с их сезонностью, хотя широкое распространение

бытовых морозильных камер делает возможным их круглогодичное потребление (Davydova, 2019a; Davydov, Davydova, 2022). Массовость сбора обуславливает их высокие итоговые оценки, которые в некоторых поселках лишь немного уступали оленине. 95 % семей коренного населения и более 80 % некоренного собирают грибы и ягоды самостоятельно, иные стратегии их получения (покупка, от родственников и знакомых) отмечались крайне редко.

Другие пищевые растения как источник пищи были отмечены главным образом сельскими коренными жителями. В основном это были дикий лук и чеснок, конский щавель и золотой корень, которые семьи собирают самостоятельно.

Заключение

Полученные путем анкетного опроса данные не выявили каких-либо особых закономерностей, но уточнили имевшиеся представления о том, как происходит использование местных биологических ресурсов Чукотки для продовольственного самообеспечения местного населения.

Во-первых, они подтвердили количественными показателями важную роль таких ресурсов особенно в сельских населенных пунктах. Было установлено, что почти все виды рассмотренных выше ресурсов имеют примерно равную высокую значимость и для коренной, и для некоренной части местного населения. Исключением оказались только продукты морского зверобойного промысла и другие морепродукты – оценки их значимости у семей коренных жителей были существенно выше, чем у некоренной части населения. О большом значении морской пищи для жителей северо-востока Чукотки и несовершенстве системы ее распределения говорит также тот факт, что кандидаты в депутаты городского округа Эгвекинот от коренного населения даже включали обещание решить проблему снабжения населения чукотской пищей в свои предвыборные кампании (Davydova, 2019b: 23–24).

Во-вторых, проведенное исследование подтвердило сохранность и по-прежнему

высокую актуальность местных традиционных сетей перераспределения добытых ресурсов: обмен продуктами между сообществами тундровых оленеводов и береговых морских зверобоев, а также традицию безвозмездной передачи части промысловой продукции нуждающимся семьям.

В-третьих, интерпретация результатов анкетного опроса в сочетании с данными интервью показала, что весьма актуальной проблемой остается создание адекватной условиям Крайнего Севера системы управления местными биологическими ресурсами и их использованием. Практически все жители остро недовольны существующими правилами рыболовства и распределения разрешений на вылов рыбы. Многие

респонденты, отвечая на вопросы анкеты, сами начинали разговор на эту тему.

Полученные оценки убедительно говорят о том, что северяне придают местным биоресурсам, особенно потребительскому рыболовству и охоте, весьма важное значение, а значит, не надо пренебрегать их интересами в сфере регулирования природопользования.

Приложения / Applications

Список литературы / References

Andersen T., Poppel B. Living Conditions in the Arctic. In: *Social Indicators Research*, 2002, 58, 191–216. DOI: 10.1023/A:1015787901370.

Arctic Biodiversity Assessment. Status and trends in Arctic biodiversity. CAFF, Arctic Council Denmark, 2013, 596–600.

Bogoraz V.G. *Chukchi. Avtorizovannii perevod s angliyskogo [Chukchies. Authorised translation from English], Part 1.* Leningrad, Izdatel'stvo instituta narodov Severa TsIK SSSR, 1934, 191.

Davydov V.N., Davydova, E. A. Routes of sustenance: infrastructure and food security strategies in Chukotka. In: *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences* 2020, 13(5), 772–782. DOI: 10.17516/1997–1370–0606.

Davydov V.N., Davydova E. A. Polevyie issledovaniia na Chukotke v 2022: strategii podderzhanii pishchevoy i energeticheskoy bezopasnosti zhiteliami olenevodcheskogo sela [Field Research in Chukotka in 2022: Strategies for Maintaining Food and Energy Security by the Dwellers of a Reindeer Herders' Village]. In: *Kunstkamera*, 2022, 4(18), 217–229. DOI: 10.31250/2618–8619–2022–4(18)-217–229.

Davydov V.N., Davydova E. A. Food security and paradoxes of supply in Chukotka. In: *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2023, 16(4), 656–661.

Davydova E. A. Sovremennyye strategii polucheniia i raspredeleniia pishchevykh resursov gorodskimi zhiteliami Chukotki [Modern strategies for obtaining and distributing food resources by urban residents of Chukotka]. In: *Universitetskiy nauchnyy zhurnal [University scientific journal]*, 2018, 38, 113–121.

Davydova E. A. Kholodil'nik, sol' i sakhar: dobycha i tekhnologii obrabotki pishchi na Chukotke strategies in i sakhar: dobycha i tekhnologii obrabotki pishchi na Chukotke. [Refrigerator, salt and sugar: extraction and food processing technologies in Chukotka]. In: *Sibirskiiye istoricheskiiye issledovaniia [Siberian Historical Research]*, 2019, 2, 143–161.

Davydova E. A. Pishchevyie tayny olenevodov i okhotnikov Chukotki [Food secrets of reindeer herders and hunters of Chukotka]. In: *Severo-Vostochnyy gumanitarnyy vestnik*, 2019, 3(28), 19–25.

Davydova E. A., Davydov V.N. Proizvodstvo (vkusov) oleniny: praktiki zaboia zhivotnykh v tundre i v olenuboynom punkte na Chukotke [Production of Venison Tastes: Practices of Animal Slaughter in the Tundra and in a Slaughterhouse in Chukotka]. In: *Kunstkamera*, 2021, 2(12), 95–103. DOI: 10.31250/2618–8619–2021–2(12)-95–103.

Gavrilova K. A. Opasnoie prirodopol'zovaniie: rybnyie resursy i.no stal'giia po gosudarstvu v Barents-regione [The Danger of Natural Resource Use: Fishery and Nostalgia for the State in the Barents Region]. In: *Etnograficheskoe obozreniie*, 2019, 4, 13–28. DOI: 10.31857/S 086954150006189–7.

Klovov K. B. Mezhdru gosudarstvom i rynkom: neformal'nyie praktiki prirodopol'zovaniia v sibirskikh selakh [Between the state and the market: informal practices in the use of wildlife resources in Siberian villages]. In: *Etnografia*. 2020, 1(7), 142–165. DOI: 10.31250/2618–8600–2020–1(7)–142–165.

Klovov K. Indigenous hunting in the Russian Arctic: toward sustainable wildlife resource management. In: *IIRPCMIA 2021 E 3S Web of Conferences*, 2023, 378, 05004. Available at: <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202337805004>.

Klovov K., Gerasimov Iu., Syroechkovskiy E. Assessment of hunting pressure on Arctic-nesting shorebirds: first results from the Northeast of Russia. In: *IIRPCMIA 2021 E 3S Web of Conferences*, 2023, 378, 05003. Available at: <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202337805003>

Kolomiets O. P. Chukotskiy biznes: sovremennyye formy predprinimatel'stva korennykh zhitel'ey Chukotskogo AO [Business in Chukotka: modern forms of entrepreneurship of the indigenous people of the Chukotian Autonomous Region]. In: *Vestnik antropologii*, 2019, 2(46), 55–71.

Martynova E. P. Traditsionnyie otrasli khoziaystva obskikh ugrov: sovremennyye adaptivnyie strategii v rynochnoy ekonomike [The traditional economic sectors of the Ob Ugrians: the modern adaptive strategy in a market economy]. In: *Vestnik ugrovedeniia [Bulletin of Ugric studies]*, 2017, 7(4), 119–130.

Moller H., F. Berkes P.O., Lyver and Kislalioglu M. Combining science and traditional ecological knowledge: monitoring populations for co-management. In: *Ecology and Society*, 2004, 9(3), 2. Available at: <http://www.ecologyandsociety.org/vol9/iss3/art2>.

Naves L. C., Keating J.M. *Alaska subsistence harvest of birds and eggs, 2004–2017 data book*, Alaska Migratory Bird Co-Management Council. Alaska Department of Fish and Game Division of Subsistence, Special Publication 2019–04, Anchorage, AK, USA. 2019

Naves L. C., Ruthrauff D. Shorebird subsistence harvest and indigenous knowledge in Alaska: Informing harvest management and engaging users in shorebird conservation. In: *The Condor: Ornithological Applications*, 2019, 121, 1–19, Available at: <https://www.researchgate.net/publication/334640932>.

Pokhoziaystvennaia perepis' Pripoliarnogo Severa SSSR 1926–27 g. Territorial'nyie i grupповyye itogi pokhoziaystvennoy perepisi [Household census of the Subpolar North of the USSR 1926–27. Territorial and group results of the household census]. Moscow, Statizdat TSSU SSSR. 1929, 256.

Rakhmanova L.I.A., Davydova E. A., Davydov V.N. Novyye tekhnologii zaboia i ikh «poslevkusii»: biografii oleny, miasa i krovi v Arktike [New Slaughter Technologies and Their “Aftertaste”: Biographies of Reindeer, Meat and Blood in the Arctic]. In: *Sibirskiiie istoricheskiiie issledovaniia. [Siberian Historical Research]*, 2022, 2, 181–206. DOI: 10.17223/2312461X/36/10.

Survey of Living Conditions in the Arctic: Inuit, Saami, and the Indigenous Peoples of Chukotka (SLICA). 2019. Available at: https://iseralaska.org/static/living_conditions/

Syroechkovskiy E. E., Klovov K. B. Ispol'zovaniie metoda anketirovaniia dlia izucheniia vliianiia okhoty na vodoplavayushchikh ptits v Rossiiskoi Arktike [Using questionnaire method to study the impact of hunting on waterfowl in the Russian Arctic]. In: *Cazarka*, 2010, 13, 76–103.

Vate V. Maintaining cohesion through rituals: Chukchi herders and hunters, a people of the Siberian Arctic. In: *Senri Ethnological Studies*, 2005, 69, 45–68.

Yarzutkina A. A. Sdelka kak protsess: trgovlia na Chukotke v kontse XIX-nachale XX v. [Transaction as a protest. Trade in Chukotka in the late 19th and early 20th century]. In: *Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographic review]*, 2017, 1, 57–69.